

Глава 10

ЛИЧНЫЕ И РОДОВЫЕ ЛЕТОПИСЦЫ КНЯЗЕЙ

1

В XII веке вырабатывается новая форма летописания — личные летописцы князей. Эти летописцы охватывали по преимуществу историю семьи или рода того или иного князя. Сюда заносились сведения о рождении детей, о свадьбах, о смертях и т. д.— в тесных пределах семьи или рода. Выше мы уже видели наличие родовых преданий в устной традиции: Ян Вышатич и Вышата снабжали нескольких летописцев историческими сведениями, почерпнутыми из своих воспоминаний, связанных с историей их рода. Характерно, что ни византийская, ни западно-европейская хронография не знали подобного рода личных, семейных или родовых летописцев. Допустимо видеть в русских личных летописцах — местную особенность, восходящую к устной традиции родовых преданий.

Начатки личного княжеского летописания явно обнаруживаются уже в Повести временных лет. Вторая редакция Повести в значительной мере идет по пути превращения этого грандиозного произведения общерусской исторической мысли в личное княжеское летописание Владимира Мономаха. Мы уже видели, что Мономах передал ведение летописи в свой княжой Выдубицкий монастырь, построенный его отцом — Все-володом, и поручил его игумену Сильвестру переработку Повести временных лет в духе проводимой им политики. Сильвестр переделал предшествующее изложение Повести временных лет за 1093—1113 гг., включил под 1096 г. пространный

рассказ попа Василия, доказывавший правоту политики Владимира Мономаха, добавил легенду о пребывании на Руси апостола Андрея, связанную с новой церковной теорией Мономаха, и др.

Но эти черты личного летописания Мономаха были еще более усилены в третьей редакции Повести временных лет, созданной инициативой старшего сына Владимира Мономаха Мстислава. Здесь, в текст этой третьей редакции Повести летописец включил значительное количество приписок, касающихся отца Мономаха — князя Всеволода и его семьи. В этих приписках было точно датировано вхождение Всеволода (1 января 1076 г.), отмечены обстоятельства закладки Всеволодом Андреевской церкви и монастыря при ней, пострижения в нем его дочери Яньки (1086 г.), сообщено о закладке Мономахом церкви в Смоленске (1101 г.), говорилось о рождении у Мономаха сына Андрея, о смерти дочери Всеволода Ярославича — Евпраксии, причем подробно давалось описание ее могилы (1109 г.) и т. д. Не случайно также в третью редакцию Повести временных лет были включены сведения, касавшиеся перемен на византийском императорском престоле: Владимир Мономах по матери был в родстве с императорским домом Византии.

Главное внимание третья редакция Повести временных лет уделяла старшему сыну Мономаха — Мстиславу. Под 1102 г. рассказывалось о приходе Мстислава из Новгорода и о переговорах, которые он вел под Киевом, сидя в „ыстобце“ (в избе). В третьей редакции была подробно освещена деятельность Мстислава в Новгороде, где Мстислав однажды княжил (см. сведения под 1096, 1113, 1114 гг.).

Наконец, совсем особый интерес представляют собою два рассказа о разговорах, имевших место в Ладоге и занесенных в летопись под 1114 и 1096 гг. В 1114 г. летописец был в Ладоге на закладке ладожских стен и здесь слышал о разных диковинах северных стран: о том, например, как падают из туч молодые „веверицы“ (белки) и олени, как в самой Ладоге волховская вода выполаскивает „глазки стеклянныи

и малыи, и великии, провертаны".¹ Их во множестве находят дети и сам автор этой летописной заметки набрал их „боле ста“. Под 1096 г. читается рассказ о беседе летописца с новогородцем Гурятой Роговичем о народах на Печоре и о „Угре“, причем автор этого рассказа разъяснял Гуряте Роговичу, что народы эти те самые, которых заклепал Александр Македонский в горах, по свидетельству византийского писателя Мефодия Патарского.

Оба рассказа — и рассказ 1114 г., и рассказ 1096 г. — составлены сходно: в обоих дело идет о далеких полунощных странах, в обоих случаях рассказ заключается учеными справками автора — ссылками на византийскую историческую литературу. Замечательно, что оба рассказа относятся к одному и тому же — 1114 г. К этому 1114 г. относится не только разговор с ладожским посадником Павлом, но и разговор с Гурятой Роговичем. Этот разговор занесен в летопись под 1096 г., но имеет справку „яже слышал прежде сих 4 лет“: редакция Мстислава Повести временных лет была составлена в 1118 г.,² следовательно разговор имел место в том же 1114 г.

Оба рассказа составлены от первого лица: „се же хощю сказать, яже слыхах прежде сих 4 лет, яже сказа ми Гурята Роговичь Новгородець...“,³ „мне же рекшю к Гуряте“,⁴ „пришедши ми в Ладогу, поведаша ми Ладожане“,⁵ „сему же ми ся дивлящю, рекоша ми...“,⁶ „сему же ми есть послух посадник Павел Ладожский и вси Ладожане“.⁷

¹ Очевидно бусинки, вымываемые Волховом из культурных слоев каких-то древнейших поселений. Ипатьевск. лет., 1114 г.

² А. А. Шахматов. „Повесть временных лет“, т. I, П., 1916, стр. III и след.

³ Ипатьевск. лет., 1096 г.

⁴ Там же.

⁵ Там же, 1114 г.

⁶ Там же.

⁷ В 1114 г. в Ладоге Мстислав закладывал вместе с ладожским посадником Павлом (он-то и рассказывал под 1114 г. о северных странах) каменные стены ладожского детинца. Ипатьевск. лет., 1114 г.

Конечно, как замечает М. Д. Приселков, автором этих заметок, включенных в официальную летопись князя Мстислава, был не рядовой человек. По тому снисходительному тону, которым он говорит о ладожском посаднике Павле и о Гуряте, по тому, наконец, что пребывание в Ладоге автора этих заметок совпадает по времени с пребыванием в Ладоге самого Мстислава,¹ который закладывал в ней каменные стены вместе с посадником Павлом, можно заключить, что автором их был сам князь Мстислав.

Личный, семейный характер третьей редакции *Повести временных лет* подтверждается и тем обстоятельством, что в нее было включено *Поучение Мономаха*, предназначеннное, очевидно, Мономахом своему старшему сыну Мстиславу.

Включение *Поучения Мономаха* именно в редакцию его сына Мстислава доказывается тем, что оно находится в летописи в непосредственной связи с личными заметками Мстислава, и тем еще, что последним событием, упомянутым Мономахом, является его поход 1117 года, — года непосредственно предшествовавшего составлению этой редакции *Повести временных лет*.

Характерно, что в *Поучение Мономаха*, в отличие от всех иных средневековых поучений отца к детям, вошли составной частью его автобиографические записки — личный счет его „путей“ (походов) и „ловов“ (охот) — первый образец личного княжеского летописания: „А се вы поведаю, дети моя, труд свой, еже ся есмь тружал, пути дея и ловы 13 лет... А из Чернигова до Кыева нестишь (около 100 раз) ездих ко отцу, днем есмь переездил до вечерни; а всех пути 80 и 3 великих, а прока не испомню меньших. И миров есмь створил с Половечьскими князи без одного 20... А се в Чернигове деял есмь: конь диких своима руками связал есмь в пушах 10 и 20 живых конь, а кроме того иже по Рови (Роси) ездя имал есмь своима руками те же кони дикие. Тура мя 2 метала на розех и с конем, олень мя один бол (бодал), а 2 лоси, один

¹ „История русского летописания XI—XV вв.“, Л., 1940, стр. 44.

ногами топтал, а другой рогома бол, вепрь ми на бедре мечь оттял, медведь ми у колена подъклада укусил, лютый зверь скочил ко мне на бедры и конь со мною поверже... И с коня много падах, голову си разбих дважды, и руце и нозе свои вередих... Еже было творити отроку моему, то сам есмь створил, дела на войне и на ловех, ночь и день, на зною и на зиме, не дая собе упокоя...¹

Таким образом, Мстислав в своей заботе о личном летописании поступал по заветам своего отца Мономаха. Так же как Мономах, он озабочен ведением официальной летописи своего княжения, возможно, что так же как Мономах, он лично ведет летописные записи.

Летописание Мстислава — Повесть временных лет в третьей редакции — имело огромное значение для всего последующего летописного дела на Руси. Ее имели во главе своих княжеских летописей все представители рода Мономаха. Третья редакция Повести временных лет легла в начало летописания Новгорода, где первоначально княжил Мстислав, а затем его сын Всеволод; она легла в начало княжеского летописания Переяславля Русского, где также одно время княжил Мстислав и, наконец, — Киева, куда Мстислав перешел княжить после смерти отца. Из Переяславля Русского Повесть временных лет в третьей редакции (редакции Мстислава) в соединении со второй (Сильвестровской — Сильвестр с 1117 г. был епископом Переяславля Русского) передалась на северо-восток — во Владимирско-суздальскую землю, где впоследствии отразилась в летописании Москвы.

2

Три отростка когда-то единого ствола общерусского летописания — новгородское, переяславское и киевское — стали наиболее мощными ветвями, которые в первой четверти XII в. дало летописание мономаховичей. Вслед за тем, летописание продолжает дробиться, многочисленными побегами охватывая

¹ Лаврентьевск. лет., 1096 г.

все наиболее значительные княжества Руси. Ко второй половине XII в. окончательно выкристаллизовываются местные особенности летописания: новгородского, владимиро-суздальского, Переяславля Русского, черниговского и, как можно предполагать, галицкого. Вместе с тем определяется и характер личных, семейных и родовых княжеских летописцев. Их становится все больше, они входят в культурный обиход русских князей.

В записях этих летописцев, — все равно велись ли эти записи самими князьями или кем-либо из их подчиненных, — отмечены главным образом события семейной и личной жизни князей: рождения детей, браки, смерти, монашеские постриги, перемены княжения и изредка походы. Насколько представившее общерусское летописание было обширным по теме и по исполнению, настолько это княжеское летописание оказалось узким по содержанию и несложным по выполнению. Однако в летописании княжеском — личном и семейном — имеется и положительная сторона — это интенсивность исторического самосознания, сознание исторической ценности личной деятельности, стремление сохранить для потомства частности своей биографии. Нас поражает сейчас распространенность этой заботы об историческом отображении собственной деятельности. Это новое явление, снижая общую тему летописания, как летописания всей страны, было тем не менее закономерно и в известной мере целесообразно связано с общей децентрализацией русской жизни XII в., с углублением процесса феодализации.

Записи семейных и личных княжеских летописцев были обнаружены внимательным наблюдением М. Д. Приселкова в сложной по своему составу Ипатьевской летописи. Все они относятся к XII в. Повидимому, эти княжеские летописцы были использованы в Киеве в Видубицком монастыре при составлении свода 1200 г., который затем вошел в состав Ипатьевской летописи.¹

¹ См. о своде 1200 г.: М. Д. Приселков. «История русского летописания XI—XV вв.», Л., 1940, стр. 47 и след.

Из семейных и родовых княжеских летописцев в Ипатьевской летописи мы должны прежде всего отметить семейную хронику ростиславичей, братьев киевского князя Рюрика Ростиславича, заботливо включенную в киевский свод Рюрика Ростиславича 1200 г. его составителем — игуменом Выдубицкого монастыря Моисеем. Здесь были отмечены описания смерти и некрологи следующих князей: Святослава Ростиславича (под 1172 г.), Мстислава Ростиславича (под 1178 г.), Романа Ростиславича (под 1180 г.) и Давида Ростиславича (под 1198 г.). Некрологи эти „ничего не сообщают о фактической стороне биографии умершего князя, о местных делах и отношениях, — пишет о них М. Д. Приселков, — а главным образом рисуют похвальные (всегда шаблонные) черты для князей, как и полагается в некрологах“.¹

Значительно больше упорства в собирании сведений и ведении записей в родовом летописце Игоря Святославича — героя Слова о полку Игореве. Подробности семейных дел Игоря Святославича отмечены в Ипатьевской летописи последовательно и без пропусков. Под 1151 г. отмечено рождение Игоря Святославича. Под 1173 г. отмечено рождение у Игоря сына Владимира; под 1176 г. — рождение сына Олега, под 1177 г. — рождение сына Святослава. Под 1188 и 1190 гг. отмечены браки детей Игоря и т. д. К 1198 г. относится последнее известие этого летописца о смерти Ярослава Всеволодовича Черниговского и о воскняжении „благоверного князя Игоря Святославича“.

Из родственников Игоря Святославича особо отмечены в его летописце события жизни его брата Всеволода, идеализированного Словом о полку Игореве („буй-тур“). Проникновение сведений о нем в Ипатьевскую летопись именно из летописца Игоря доказывается тем, что дважды летописец определяет его как „Игорева брата“. Так пояснено под 1180 г. и под 1195 г., где отмечена смерть „брата Игоря“ Всеволода

¹ М. Д. Приселков. „История русского летописания XII—XV вв.“, Л., 1940, стр. 49.

Святославича и дан краткий некролог его, совпадающий с характеристикой, данной ему в Слове о полку Игореве: „во Олговичех всих удалее рожаемъ, и воспитаемъ, и возрастомъ и всею добротою, и можьственою доблестью, и любовь имеяше ко всимъ“. Отмечена в летописце Игоря судьба Владимира Галицкого сына Ярослава Осмомысла. Этого Владимира Ипатьевская летопись дважды отмечает как „шюрина“ Игоря. Владимир, рассорившись с отцом, нигде не находил себе приюта, пока его не удержал у себя Игорь и не помирил их.¹

Летописец Игоря Святославича включил в себя, как составную часть, летописец отца Игоря — Святослава Ольговича и летописец брата Игоря — Олега Святославича. Состав летописца Святослава Ольговича резко отличается от состава летописца Игоря Святославича своею большею подробностью; это может быть отчасти объяснено тем, что Святослав Ольгович был одно время князем киевским. Сторонник Святослава Ольговича явно чувствуется в летописной статье 1146 г., где даже имеется попытка передать мысли Святослава,² и в сочувственном сообщении о смерти дядьки Святослава „доброго старца“ Петра Ильича, „иже бе отца его мужь, уже бо от старости не можаше ни на конь всести, бе ему лет 90“.³ Под следующими 1148 и 1149 гг. снова сообщается о чисто семейных событиях Святослава Ольговича (сватовство, рождение дочери, перенос тела брата Святослава Игоря в усыпальницу черниговских князей — собор Спаса, женитьба сына, замужество дочери, смерть жены).

Таков состав и известий летописца Олега Святославича.⁴ Оба эти летописца — летописец Святослава Ольговича и Олега Святославича — попали в Киевский свод 1200 г. не непосред-

¹ См. Ипатьевск. лет., 1183 г.

² „Святославу же бы из головы, любов иже дати жену и дети и дружину на полон, любо голову свою сложити“ (Ипатьевск. лет., 1146 г.).

³ Ипатьевск. лет., 1147 г.

⁴ См. ряд известий в Ипатьевск. лет. под 1167, 1170, 1179 и другими годами.

ственno, а через летописец Игоря Святославича, куда они были включены. Это ясно видно из того, что они подверглись соответствующей обработке. Так, например, к известию летописца Святослава Ольговича о княжеском съезде 1159 г. в Лутаве было добавлено имя Игоря.¹ Ясно, что это не реальный факт, а позднейшее тенденциозное добавление сторонника Игоря, так как Игорю в год съезда было всего лишь 8 лет и принимать в нем участие он не мог.

Таким образом, в Ипатьевской летописи явственно различаются известия, почерпнутые из обширного летописца Игоря Святославича, включившего в свой состав семейные летописцы его родственников. Летописец этот — самый обширный из всех личных, семейных и родовых летописей XII—XV вв.

3

Следует всячески подчеркнуть, что узость личных летописцев никогда не удовлетворяла князей. Личные летописцы либо включаются в состав более обширных по своей теме летописей, либо сами стремятся расширить состав своих известий до общерусского охвата.

По ряду признаков можно думать, что отсутствие по настоящему общерусского летописания очень остро ощущалось в XII в. Например, в 70-х—80-х годах XII в. в ряде русских областей делаются попытки восстановить былую широту общерусского летописания. В частности, чрезвычайно важно то обстоятельство, что рассмотренное выше летописание Игоря Святославича пытается стать общерусским. Факт этот проливает некоторый свет, как это мы увидим ниже, и на обстоятельства создания Слова о полку Игореве.

¹ „И сняша в Лутаве Изяслав, и Святослав Олговичъ, и сын его Олег, Игорь, и Всеволодичъ, и Володимиричъ Святослав и бысть любовь велика“ (Ипатьевск. лет., 1159 г.).

Отрицая существование отдельной и систематической черниговской летописи,¹ М. Д. Приселков обращает внимание на то, что „летописец Святослава Ольговича, может быть, в пору его княжения в Чернигове, делал попытки выходить из рамок личного летописца этого князя, превращаться в черниговское летописание“.² Доказательством этого стремления летописца Святослава Ольговича стать летописцем Чернигова М. Д. Приселков считает включение в его состав повести об убийстве брата Святослава — Игоря Ольговича. И действительно, летописная повесть об убийстве Игоря Ольговича, как мы об этом будем говорить в следующей главе составлена из трех отдельных рассказов, один из которых, выдержаный в житийных тонах, был тесно связан своим возникновением с Святославом Ольговичем, выдвинувшим убийство своего брата Игоря как главное обвинение против своих противников — мономаховичей. Для целей этой борьбы Святослав делает попытку канонизации Игоря, торжественно переносит его тело (в повести „моши“) в Чернигов в церковь Спаса и заказывает его житие, внешне подражающее Житию Бориса и Глеба. Житие Игоря Святослав, очевидно, и включает затем в свой летописец.

Кроме того, в Ипатьевской летописи под 1120, 1123, 1140, 1142, 1143 и другими годами встречаем ряд известий, касающихся черниговских князей и епископов. М. Д. Приселков считает, что эти известия также входили когда-то в состав летописца Святослава Ольговича.³

Однако если уже летописец Святослава Ольговича делал попытки включения в свой состав летописания Чернигова, то можем ли мы предположить, что летописец его сына Игоря Святославича, включивший и летописец отца Игоря и летописец брата Игоря, оставался в узких пределах родового княжеского летописца?

¹ Черниговскую летопись в составе Ипатьевской предполагал А. А. Шахматов (см. „Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.“ Л., 1933, стр. 72 и след.).

² „История русского летописания XI—XV вв.“, Л., 1940, стр. 51.

³ Там же.

Действительно, внимательный анализ большого числа переславских известий, читающихся сейчас в Ипатьевской летописи, показывает, что все они прошли через редакторскую обработку в летописи Игоря Святославича. Из этого видно, что летопись Игоря Святославича пыталась одно время стать общерусской.

В самом деле, как уже было доказано исследованиями А. А. Шахматова, и в составе Лаврентьевской летописи, и в составе Ипатьевской летописи читаются сейчас известия из летописей Переяславля Русского („Южного“). Летописи Переяславля Русского были дважды использованы в летописании Владимира (откуда известия их и попали в Лаврентьевскую летопись) и однажды в какой-то из летописей, вошедших затем в состав Ипатьевской. Но в какой именно? М. Д. Приселков предполагает, что известия летописей Переяславля Русского были использованы в Киевском своде Рюрика Ростиславича 1200 г. Однако сличение переславских известий в Ипатьевской летописи и в Лаврентьевской ясно показывает, что в Ипатьевской летописи они переработаны сторонником Ольговичей Черниговских и следовательно были первоначально включены из переславской летописи в какой-то летописец Ольговичей, а им мог быть по ряду причин только летописец Игоря Святославича, составление которого относится как раз к тем годам, когда уже был закончен летописец Переяславля Русского (он был доведен до года смерти переславского князя Владимира Глебовича — 1187).

Переславль Русский или Южный входил как часть в наследство Всеволода Ярославича и прочно удерживался во владениях этой отрасли княжеского рода. Несколько раз Переяславль Русский переходил от мономаховичей к Мстиславичам и обратно, пока не достался сыну Юрия Долгорукого — Глебу. В 1169 г. там сел двенадцатилетний сын Глеба — Владимир. Владимиро-суздальские князья прочно удерживали Переяславль Русский в сфере своего влияния, как оплот их политики на юге Руси. Сами князья пограничного со степью Переяславля вели упорную и многолетнюю войну со степными

кочевниками и были заинтересованы в прекращении губительных междоусобных войн мономаховичей и ольговичей, хотя по большей части становились на сторону первых, осуждая недостаток военных талантов ольговичей черниговских и их обычное пользование половецкою помощью.

Резкая критика ольговичей снята в Ипатьевской летописи. В Ипатьевской летописи под 1136 г. заметно смягчение враждебного отношения к ольговичам летописца Переяславля Русского; пропущен ряд известий об ольговичах, сохранившихся в Лаврентьевской: „в то же лето почаша с ольговичи рать имети и многы пакости створиша“, и дальше: „и паки крамола бысть к них немала: шедши бо ти же ольговичи с половци...“ Под 1138 г. пропущено и другое известие о крамолах ольговичей. Под 1139 г. частично пропущен, а частично переработан текст, резко направленный против ольговичей в изображении начала княжения Всеволода Ольговича. Под 1140 г. пропущен текст, враждебный к Всеволоду Ольговичу. Под 1141 г. пропущено заявление новгородцев, отказавшихся принять ольговичей. Под 1142 г. пропущена пэрочащая мотивировка действий Игоря Ольговича, которого ольговичи стремились изобразить святым.¹ Под 1146 г. внесена фактическая поправка в известие о Святославе Ольговиче — отце Игоря Святославича.² Также переработано в Ипатьевской и сообщение летописца Переяславля Русского о приходе сына Юрия Долгорукого Ростислава Юрьевича, рассорившегося с отцом, к Изяславу. В летописце Переяславля Русского главной причиной прихода Ростислава к Изяславу выставлялось его нежелание соединиться с ольговичами. В Ипатьевской же летописи всякое

¹ Пропущены слова: „враг же роду хрыстъянску дьявол ражже сераде Игореви Олговичю“ (Лаврентьевск. лет., 112 г.).

² В летописце Переяславля Русского Святослав вбегает с остатками дружины в Новгород Северский (Лаврентьевск. лет., 1146 г.), в Ипатьевской же летописи Святослав вбегает в Чернигов „с малом дружине“. Затем Святослав посыпает по своим братьям, ведет переговоры с Владимиром и Изяславом и только после этого: „а сам еха Курьску устанавливат людий, и оттуда Новугороду приде“.

упоминание вражды Ростислава и ольговичей снято, оставлено лишь упоминание о корыстных расчетах самого Ростислава. Ряд исправлений в летописце Переяславля Русского был сделан под 1151 г. и др. Внимательному пересмотру подверглись все сведения о внешних сношениях Святослава Ольговича (под 1154, 1155, 1159 и следующими годами).

Примеры тенденциозной переработки летописца Переяславля Русского легко могли бы быть увеличены.

Летописец Переяславля Русского кончался некрологом переяславскому князю Владимиру Глебовичу под 1187 г. Следовательно, включение его в состав летописей Игоря Святославича могло произойти не ранее этого времени, но не могло произойти и значительно позднее, так как обработка переяславской повести о поражении Игоря Святославича в 1185 г., читающаяся сейчас в составе Ипатьевской летописи,¹ хранит следы свежей памяти о несчастных событиях Игорева поражения.

Летописный свод Игоря Святославича кончался записью о покорении Игоря Святославича в Чернигове в 1198 г.

¹ Сличение текстов обоих летописных рассказов о походе Игоря Святославича (в Ипатьевской и в Лаврентьевской) обнаруживает, что в основе рассказа Ипатьевской летописи, т. е. в конечном счете летописца Игоря Святославича, лежит изложение Переяславской летописи. В частности, к Переяславской летописи восходит отрывок — описание осады половцами Переяславля Русского (он скож в Лаврентьевской и в Ипатьевской). Текстуальная близость Ипатьевской летописи и Лаврентьевской встречается и еще в ряде мест. В частности, как замечает акад. А. С. Орлов, — «перечень пленных половецких князей, имеющийся в Ипатьевской летописи, хотя и дан Лаврентьевской летописью в ином порядке имен, но все же четыре имени расположены одинаково» (акад. А. С. Орлов. „Слово о полку Игоревъ“, Л., 1933, стр. 164). Эта общность отдельных мест в летописных рассказах о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. прямо ведет нас к тому положению, что в основе рассказа Ипатьевской летописи о походе Игоря лежит сильно распространенное добавлениями и измененное повествование летописи Переяславля Русского. Именно этим объясняется упоминание в этих общих местах покровительницы Переяславля — богородицы и сочувственное отношение к Владимиру Глебовичу Переяславскому.

Предполагаем, что в окончании Игоря Святославича в Чернигове побудило его озабочиться составлением обширного летописного свода, общерусского по идеи, куда вошли летописцы Святослава Ольговича (отца Игоря), Олега Святославича (брата Игоря), Святослава Всеялодовича Киевского, житие Игоря Ольговича, повесть о походе Игоря Святославича 1185 года и летописец Переяславля Русского (летописец князя Владимира Глебовича). Это был летописный свод широким политическим горизонтом, и понятно почему уже через два года, в 1200 г. его использовал киевский летописец Выдубицкого монастыря.

Если таков состав летописного свода Игоря Святославича, тогда нам станут ясны и основные, ведущие идеи его, поразительным образом совпадающие с общей политикой Игоря Святославича и Святослава Всеялодовича Киевского, склонившейся к активному наступлению против половцев и примирению княжеской вражды.

4

Традиционная политика черниговских Ольговичей, искавших мира и союза с беспокойным населением смежных степей,¹ претерпела резкие изменения в середине 80-х годов XII в.

Под влиянием усилившимся в 70-х и 80-х годах XII в. набегов половцев, идея необходимости объединения Руси вспыхнула с новой силой. Идеи единения находили себе дорогу к реальной политической жизни, несмотря на утрату единства экономических интересов, поддерживавших в XI в. объединительную политику Киева, несмотря на то, что углубление процесса феодализации привело к общей децентрализации когда-то единого Киевского государства.

¹ Основы союза с половцами, как традиционной политики Ольговичей, выяснены в работе В. В. Мавродина, „Очерки по истории левобережной Украины“, Л., 1940, стр. 210 и след.

Ольговичи, постоянно пользовавшиеся половецкою помощью в своих походах на соседние русские княжества, теперь деятельно ищут союза с ростиславичами и мономаховичами против тех же половцев.

В истории перелома политики ольговичей очень важную роль сыграл „ольгович“ Игорь Святославич. В самом деле, еще в 1180 г. половцы деятельно помогали Игорю Святославичу Новгород-северскому. Во время военного размирья Святослава Всеволодовича Черниговского со Всеволодом Сузdalским Игорь и брат его Ярослав оставались в Чернигове, беречь его от ростиславичей. Не видя ниоткуда нападения, Игорь и Ярослав сами решили напасть на смоленских князей и направились к Друцку, „поемше с собою Половце“, на союзника ростиславичей Глеба Рогволодовича. На помощь Игорю выступили Всеслав Василькович Полоцкий, Брячислав Витебский и др. „с толпами ливов и литвы: так, вследствие союза полоцких князей с черниговскими, в одном стане очутились половцы вместе с ливами и литвою, варвары черноморские с варварами прибалтийскими“.¹ Однако, на помощь Глебу явился Давид Смоленский со всеми полками, и обе стороны не решались напасть друг на друга. Только приход Святослава Всеволодовича позволил ольговичам принять активные действия против своих врагов.

Вместе с тем и Рюрик двинулся из Киева в Белгород и отправил войско против Игоря Святославича, который со своими деятельными союзниками-половцами, ханом Кончаком и Кобяком залег у Долобска. Однако, половцы лежали не сторожась, надеясь на свою силу и на Игорев полк. Результатом этого небрежения половцев Игоря явилось их страшное поражение. Много половцев утонуло в Черторые, другие были перебиты и пленены. В этой битве убили половецкого князя Козла Сотановича, Елтута кончакова брата, захватили в плен двух кончаковичей, и Тотура, и Бякубу, и Кунячука богатого, и Чугая.

¹ С. М. Соловьев. „История России“, т. II, гл. 6, изд. 2, стр. 531.

Игорь, видя поражение своих половцев, вскочил сам-друг с ханом Кончаком¹ в ладью и успел уплыть на Городец к Чернигову. Поражение Игоря Святославича киевский летописец рассматривал как поражение половцев: „И тако поможеть бог Руси и возвратиша во свояси, и приемше от Бога на поганыя победу“.²

Одержав победу над союзными ольговичами половцами во главе с их вождем Игорем Святославичем, Рюрик своеобразно воспользовался ее плодами. Он не чувствовал в себе достаточно сил, чтобы удержать в своей власти Киев. Он оставил на великом княжении Киевском — ольговича Святослава Всеволодича, а себе взял остальные города Киевской области.

Киев был уступлен Рюриком Святославу на условиях, о которых мы можем лишь догадываться: Святослав целовал крест Рюрику о военном союзе против половцев — извечных союзников ольговичей — и честно выполнил свою клятву. Начиная с этого времени, Святослав и Рюрик совместно организуют ряд степных походов на половцев. Резко меняет свои дружественные отношения к половцам на враждебные Игорь Святославич. Святославу и Рюрику удается широко организовать союзные отношения русских князей в отпор усилившемуся нажиму стели. Вслед за союзом Святослава и Рюрика, был заключен мир и со Всеволодом Большое Гнездо. Антиоловецкая политика Святослава и Рюрика при-

¹ Как предполагает Лященко („Этюды о Слове полку Игореве“, Известия Отд. русск. яз. и слов. Ак. Наук, т. XXXI, 1926), именно в 1180 г. была условлена между Кончаком и Игорем свадьба сына Игоря Владимира на дочери Кончака. Вот почему еще в 1183 г. Кончак именуется „сватом“ Игоря, хотя свадьба состоялась лишь в 1185 г. Своим с Кончаком очевидно объясняется та сравнительная свобода, которой пользовался Игорь в плену. „Волю ему даюхуть: где хотеть, ту ездяшеть и ястребом ловяшеть, а своих слуг с 5 и с 6 с ним ездяшеть; сторожеве же те слушауть его и чистякуть его, и где послашеть кого, бес пря творяхуть повеленое им. Попа же бяшеть привел из Руси к себе, со святою службою“ (Ипатьевск. лет., 1185 г.).

² Ипатьевск. лет., 1180 г.

мирила княжеские раздоры. Всеволод возвратил Святославу его сына Глеба, которого держал в заключении. Мир мономаховичей и ольговичей был закреплен брачными союзами: „князь Киевский Святослав Всеволодичъ ожени 2 сына, за Глеба поя Рюриковну, а за Мстислава ясыню из Володимеря Суждальского, Всеволожю свесть; бысть же брак велик“.¹

Таким образом, одно из условий, на котором глача ольговичей Святослав Всеволодович получил киевское княжение,— было обязательство активной политики против степных кочевников. Сам Святослав Всеволодович мог держаться в обессиленном и обедневшем Киеве только примиряя интересы враждующих княжеств, и, начиная с этого времени, он деятельно служит общерусской оборонительной политике. Сразу же по своему восхождении в 1152 г. он помогает Всеволоду Сузdalскому против волжских болгар говоря: „дай Бог, брате и сыну, во дни нашемъ нам створити брань на поганыя“.²

Премена политики главы ольговичей Святослава не могла не отразиться и в политике рядовых ольговичей. Внушения Святослава и собственное страшное поражение подействовали отрезвляющим образом на Игоря Святославича. Он осознает всё растущую половецкую опасность для Русской земли и обращает всю свою неукротимую энергию против половцев. Он рвет со своей прежней политикой, раскаивается в ней, объявляет себя врагом своих прежних союзников — хана Кобяка и хана Кончака. Вот почему ни один половец не заслужил в летописном своде Игоря Святославича и вообще в русской летописи таких отрицательных отзывов как этот бывший союзник Игоря — хан Кончак, с которым он когда-то спасся в лодке. Летописец Игоря Святославича говорит о нем в таких выражениях: „придоша иноплеменьщи на Русскую землю безбожни измаилтяне, окаяньний Агаряне, нечистии ищадья делом и нравом сотониным, именем Кончак, злу начальник правоверным крестьянъм, паче же всим церквам,

¹ Ипатьевск. лет., 1182 г.

² Там же.

идеже имя божие славиться, сими же погаными хулится, то не реку единемь крестьяном, но и съому богу врази: то аще кто любить врагы божия, то сами что примут от бога? Сий же богостудный Кончак, со единомыслеными своими приехавше к Переяславлю, за грехы наша много зла створи крестьяном, бних плениша, а иныи избиша, множайши же избиша младенецъ".¹

Вторично отрицательная характеристика Кончаку дана в летописце Игоря Святославича под 1184 г., когда „оканьный, и безбожный и треклятый Кончак“ отправился походом на Русь.

Вот почему и сам Игорь Святославич, знаменуя перелом в своей политике, каялся — и предавал свое покаяние обнародованию в своем летописце. В описании похода Игоря Святославича 1185 г. летописец вкладывает в уста Игоря длинную покаянную речь, поражающую пространным перечислением княжеских преступлений и необычайною смелостью: „помянух аз грехы своя пред господом богом моим, яко много убийство, кровопролитие створих в земле крестьянствей, яко же бо аз не пощадех хрестьян, но взях на щит город Глебов у Переяславля; тогда бо не мало зло подъяша безвиньни хрестьани, отлучаеми отець от рожений [детей] своих, брат от брата, друг от друга своего, и жены от подружий своих, и дщери от матерей своих, и подруга от подруги своея, все смятено пленом и скорбью тогда бывшюю, живии мертвым завидять, а мертвии радовахуся, аки мученици святеи огнемъ от жизни сея искушение приемши... и та вся сотворив аз, рече Игорь...“.²

Вторично каётся Игорь, находясь в плену у хана Кончака: „аз по достоянью моему восприях победу от повеления твоего, владыко Господи, а не поганьская дерзость обломи силу раб твоих; не жаль ми есть за свою злобу прияти нужная вся, их же есмь принял аз“.³

¹ Ипатьевск. лет., 1179 г.

² Там же, 1185 г.

³ Там же.

Вернувшись из половецкого плена, Игорь не мог занять позицию безупречного героя. Ему приличнее всего было признать свою вину. Настроение покаяния, раскаяния — по существу политического, но облеченного в приличествующие религиозные формы, выдвижение новых, надиндивидуальных политических идей — было естественным следствием неловкого положения, в которое попал Игорь по возвращении из плена. Эта позиция Игоря целиком отвечала интересам Святослава Киевского, пытавшегося неоднократно сколотить коалицию русских князей для отпора половцам. Именно это же могло быть причиной „разрешения“ со стороны Игоря на написание летописной повести о своем несчастном походе.

Характерно, что, продолжая политическую программу Игорева „покаяния“, автор Слова о полку Игореве вспоминает события 1180 г., когда Игорь и Всеволод выступили во главе половцев против коалиции русских князей: „тии бо два храбрая Святъславича, Игорь и Всеволод, уже лже убудиста которою; ту бяше успил отец их Святъславъ грозный великий Киевский грозою“. Вот почему Игорь по приезде в Киев прежде всего идет к Пирогѣ, заложенной в 1130 г.¹ Мстиславом Владимировичем, но освященной в 1136 г. Ярополком, приурочившим это событие к своему примирению с ольговичами. Вот почему, наконец, и летописец Игоря, и автор Слова о полку Игореве в одинаковой мере могли пользоваться рассказами своего князя Игоря Святославича и отразить в своем изложении и личные переживания Игоря, и детали его пребывания в пленау.

Отсюда понятны также и многие особенности летописного свода Игоря Святославича. Понятно, почему он привлек летописца Владимира Глебовича, внимательно описавшего взаимоотношения русских и половцев, степные походы русских. Понятен и тот повышенный интерес, который выказывает

¹ Лаврентьевск. лет., 1131 г.

летописец Игоря к военным операциям против степи; понятно почему он и пересматривает всю политику ольговичей, удаляя из предшествующего летописания ольговичей следы дружественного отношения к половцам и подчеркивая миролюбие ольговичей в междукиянских спорах.

Вся русская история рассматривалась в летописце Игоря Святославича как борьба с „безбожными агарянами“ — половцами. Вот почему под 1187 г. летописец Игоря давал описание взятия „агарянами“ — Иерусалима, связывая этот эпизод с общей борьбой европейских народов против степных язычников. Так же, как и поражению Игоря, взятию Иерусалима предшествовало затмение. Летописец говорит дальше, что это предвестие несчастия касается обычно только той земли, где затмение видно. Затмение 1187 г. было видно в Галиче, но не было видно в киевской стороне. И сразу же после рассуждения о затмении летописец сообщает о смерти галицкого князя Ярослава („Осмомысла“ Слова о полку Игореве). Это рассуждение летописца невольно наводит на сопоставление с рассказом Слова о полку Игореве о затмении перед походом Игоря: солнце тъмою заслоняет от Игоря воинов его, грозя гибелью им, но не Игорю.

Пленение Иерусалима, вызывая летописца на мировые сопоставления, подчеркивая всеобщность наступления язычников на тесный мир христиан, не обездеживает его. Как „исповедают“ книги Царств, бог в свое время возвратил из плена скрижали Завета, и царь Давид „веселия исполнился, скакаше играя“. Вот почему и нам, — рассуждает летописец, — „укореным сущим“ и принимающим позор от беззаконных тех агарян, следует чаять „божия благодати и лика преславна“. На „избавление“ от какого „позора“ от агарян, намекает летописец, рассказывая о пленении скрижалей Завета и о последующем возвращении их из плена? Ясно, что летописец имеет в виду в своем рассуждении пленение Игоря и его возвращение.

Итак, в центре внимания летописца Игоря Святославича стояла общерусская борьба с половцами. Именно поэтому

летописец Игоря включил в свой состав летопись пограничного со степью Переяславля Русского, внимательно следившую за всей историей русско-половецких отношений. Поход Игоря Святославича 1185 г., в котором участвовали войска Владимира Глебовича Переяславского,¹ исконного врага черниговских князей, создает почву для привлечения его летописца к летописанию Игоря Святославича. Таким образом, создание летописцем Игоря Святославича общерусского свода идет под знаком необходимости примирения враждующих князей — ольговичей, ростиславичей, мономаховичей и активизации борьбы на внешних границах Руси. Узкое летописание ольговичей прерывает тип родового, личного, семейного летописания и пытается вернуться на широкую дорогу летописания общерусского.

* * *

Личное и родовое летописание князей типично для периода феодальной раздробленности. Оно ярко отражает сужение политического горизонта „котарающихся“ князей. Летописные памятники этого рода незначительны по размерам и по содержанию, хотя и многочисленны. Однако нельзя считать, что личные и родовые княжеские летописцы удовлетворяли потребностям тех же князей в исторических знаниях. Мы увидим ниже, что летописи этого рода не были в XII—XIII вв. единственной формой исторических произведений. Многообразная, все усложняющаяся жизнь создает многие другие новые формы исторических произведений. Сами родовые и личные летописи князей выказывают постоянное стремление выйти из узких пределов семейного и родового взгляда на события русской истории и превратиться в летописание общерусское.

¹ М. Д. Приселков. „Слово о полку Игореве как исторический источник“. Историк-марксист, 1938, № 6.